

Фэн Цзю подала Дун Хуа завтрак, в то время как ее ум был полон вопросов. Во время трапезы она почти не притронулась к еде и не понимала, что ест. Убирая со стола, она смутно слышала, как Дун Хуа составляет план их тренировок на следующие десять дней. Кажется, он сказал, что первые три дня уйдет на то, чтобы научиться ходить. Дун Хуа действительно играл с ней. За последние дни она на собственном горьком опыте убедилась, что не должна бросать ему вызов, даже если он ее дразнит. Ей нужно было выяснить все детали его плана, а потом найти возможность улизнуть отсюда. Это было бы лучшей стратегией.

В конце часа Дракона [1] Фэн Цзю вышла на задний двор, чтобы встретиться с Дун Хуа. Ее глаза расширились в ту же секунду, как ее ноги миновали сводчатый дверной проем. Огромный двор превратился в плавающую арену из снежных столбов. Каждый столб был высотой в два человеческих роста, и все они были выстроены в колонны и ряды точно так же, как на площадке для дуэлей у склона горы, которую показал ей Мэн Шао. А за границей этой площадки все остальное сияло удивительно зелеными красками, земля была покрыта травой и новыми побегами, от пейзажа так и веяло весной. На старых абрикосовых деревьях белые цветы пятнали ветви, как капли росы. Утренний свет блестел на чистом силовом поле. Под большим навесом Дицзюнь лениво развалился на длинной скамье. Какие усилия приложил Владыка только для того, чтобы позагорать посреди снега!

Когда она, все еще озадаченная, вновь посмотрела на ледовую арену, ее тело внезапно поднялось в воздух. Когда к ней вернулось ощущение пространства, ее лицо обдувало снежной пылью. Она обнаружила, что стоит одна на снежном столбе. Дун Хуа покинул свою скамью. Сегодня на нем была одета девственно-белая мантия. Стоя за пределами арены, высокий и элегантный, он бросил на нее взгляд, затем неторопливо возвестил: «Во-первых, один день уйдет на то, чтобы просто научиться стоять. Если завтра ты сможешь ходить там с закрытыми глазами, как ты это делаешь на земле, на третий день мы начнем фехтовать».

Он продолжал изучать ее еще некоторое время.

- Ты простояла довольно долго, даже несмотря на то, что у тебя отняли магию. Неплохо.

Фэн Цзю пыталась удержать равновесие и не смела пошевелиться. Ее голос был полон подавленной тревоги: «Я... я не говорила тебе, что без магии боюсь высоты. Ааа... Дицзюнь, помоги мне!»

Она закричала, поскользнулась и упала. Но падение оказалось не таким болезненным, как она себе представляла. Фэн Цзю моргнула, и в ее поле зрения оказался Дун Хуа, поймавший ее.

- Эй, ты же не оставил меня там нарочно, думая, что я свалюсь, а потом ты воспользуешься моментом?

Рука Дицзюня все еще сжимала ее талию. Удивленный, он спросил: «Ты говоришь во сне?»

- Тогда почему ты меня так держишь? Смотри, твоя рука все еще на моей талии.

Дицзюнь посмотрел на свою руку, затем окинул ее взглядом и сказал: «Значит, ты уже встала на ноги?» Не дожидаясь ответа, он убрал руку. Фэн Цзю использовала его, как опору, и когда он убрал руку, она упала на землю. К счастью, больно было не слишком, благодаря толстому снегу, смягчившему ее падение. Она стиснула зубы, собираясь встать на ноги, подняла голову и увидела протянутую Дун Хуа руку помощи. В его обычно спокойных глазах появился дразнящий блеск, который вывел Фэн Цзю из себя. Она повернула голову и оттолкнула его, чтобы встать самостоятельно. «Я всего лишь пошутила. Как ты можешь быть таким мелочным?» - сказала она, отряхивая снег с тела. Затем ее мысли вернулись к насущному

предмету, и ее гнев вспыхнул снова: «Ты на самом деле играешь со мной, не так ли? Как я могу научиться ходить там вслепую всего за один день? У тебя есть секретная техника, но ты ничего мне не рассказываешь. Разве ты не мелочный? Хорошо, что ты никогда не брал учеников. Ты только дразнил бы нас весь день, мы бы состарились раньше времени и все равно ничему не научились».

Она говорила храбро и так высоко задрала голову, что белая шпилька на ее голове затряслась, угрожая упасть. Наконец, она упала с ее волос, и Дун Хуа тут же протянул руку, чтобы поймать ее. Глядя на шпильку в своей руке, его глаза блеснули, как будто он что-то вспомнил.

- Говорят, встретить игривого учителя - это дар Божий.

Фэн Цзю действительно больше не знала, что сказать.

- Не думай, что я совсем не заглядывала в учебники. Там говорилось о серьезном учителе, а не о любителе подразнить своих учеников.

«О, неужели это так? Я забыл. Впрочем, невелика разница», - ответил Дун Хуа с притворным удивлением. Затем он снова воткнул шпильку ей в волосы. Любуясь ей, он сказал: «Если ты хочешь заполучить плод Саха, тогда просто делай, как я говорю; ты не ошибешься. Хотя смошенничать в таких соревнованиях, чтобы выиграть, не составит труда, они, к сожалению, выбрали меня в качестве одного из судей. Разве я похож на человека, который одобряет мошенничество?»

Было слишком удивительно слышать эти слова, исходящие из его уст. Фэн Цзю повернулась в сторону и потерла подбородок: «Не думаю, что ты совсем не знаком с такого рода вещами...»

Дицзюнь был не слишком доволен шпилькой на ее голове. Он снял ее и превратил в розовый цветок, затем аккуратно приколот ее обратно к волосам.

- Тогда давай просто скажем, что в этот раз я поступаю правильно.

Несмотря на слова Дун Хуа, Фэн Цзю знала, что он совершенно прав, решив обучать ее по-честному. Она была известной личностью. Кроме того, на соревнованиях будет присутствовать королева Бийняо. Если вдруг обнаружится что-то позорное и будет замешано ее имя, она лишь вызовет бурю в чайной чашке, потому что вражда между Цинцю и Фаньинь, несомненно, усилится. Дицзюнь не играл с ней, он хорошо все обдумал, и она была довольна.

Но Дун Хуа не сказал ничего из этого определенно, и она решила, что не должна показывать, что знает его намерения. Она молча коснулась своей новой заколки и, откашлявшись, произнесла: «Тогда я должна поблагодарить тебя за то, что взял на себя труд меня учить». Произнеся эти слова, она почувствовала, что ее замечание прозвучало несколько неуважительно, и хотела сказать что-то более милое, но Дицзюнь небрежно заговорил первым: «Нет проблем. Просто очень редко можно встретить такого недалекого человека, как ты. Я с нетерпением жду этого вызова». Совершенно сбита с толку, Фэн Цзю тут же забыла про свою вину и снова вскипела: «Не думаю, что я более глупа, чем Чжи Хэ. Разве ее ты тоже не учил?!»

Дун Хуа позабавил ее возмущенный вид. Он с удовольствием наблюдал за ней некоторое время, прежде чем ответить: «Чжи Хэ? Много лет назад я действительно был обязан опекать ее. Но я не учитель Чжи Хэ. После того, как она не смогла учиться у меня, она стала ученицей Доуму Юаньцзюня». Затем он добавил: «Тебя это беспокоило?»

Фэн Цзю была поглощена словом «обязан». Она не обратила внимания на остальное, что он

сказал. Забыв о своем гневе, она бессознательно повторила эти слова: «Обязан опекать ее»? Ветер снова бросил ей в лицо снежную пыль.

Дун Хуа удивленно выдохнул и, наконец, ответил: «Я был ребенком без родителей. В начале, когда я появился из Синего моря, я не был так всемогущ и находился во власти диких зверей. Родители Чжи Хэ из сочувствия взяли меня к себе и воспитали по доброй воле. Девяносто тысяч лет спустя, перед самой смертью, они, наконец, зачали Чжи Хэ. Поскольку они доверили ее мне, я, конечно, должен был заботиться о ней...»

Возможно, это было так давно, что он и сам с трудом разбирался в деталях. Он некоторое время размышлял, а потом продолжил: «Похоже, она ничему от меня не научилась. Чжунлинь однажды передал мне ее слова, что ей не нужно ничему учиться, потому что есть я». Хотя казалось, что Дун Хуа не отличался усердием в последние годы, это было потому, что для него не было больше места для дальнейшего прогресса. Сам он всегда славился своей неприязнью к нечестолубивым людям. Судя по этим словам, он, вероятно, был недоволен Чжи Хэ.

Но Фэн Цзю чувствовала, что сама она тоже не отличалась честолубием, и не могла не посочувствовать Чжи Хэ.

- Честно говоря, будь я на месте Чжи Хэ, я бы тоже так думала.

Ветер принес издалека лепестки цветков абрикоса, которые теперь плыли над ее головой. Не давая своим волосам развеиваться на ветру, она услышала голос Дун Хуа: «Ты? Ты другая, Сяо Бай». Удивленная, Фэн Цзю подняла голову и поймала его взгляд. Дицзюнь некоторое время молча смотрел на нее.

- От всего этого разговора мне захотелось пить. Пойду заварю чай, а ты займись тренировкой.

«...»

- Не хочешь чая?

«...»

В первый день пребывания в ловушке внутри силового поля, Фэн Цзю практиковалась в ходьбе по снежным столбам сотни раз. Солнечный свет был мягким, а ветерок легким. Сначала она испугалась и дважды упала. Но это было не очень больно, и она, в конце концов, успокоилась. Она падала больше дюжины раз в течение дня. Ее ноги были покрыты царапинами, а лоб - шишками. К закату Фэн Цзю, страдавшая боязнью высоты, могла нормально ходить по этим скользким столбам.

Дун Хуа заварил чай, посидел возле арены и целый день играл в шахматы один.

На второй день погода значительно улучшилась по сравнению с первым. Порывы ветра со снегом уже не были такими сильными. Дицзюнь сдержал свое слово и завязал ей глаза. Затем он бросил ее на арену, чтобы попрактиковаться в работе ног на ледяной конструкции.

Через некоторое время земля внезапно начала трястись. Думая, что Дицзюнь добавил новых препятствий, Фэн Цзю быстро оперлась на кол, чтобы сохранить равновесие. Неожиданно один из колеи сзади отломился, развернув ее кругом. В панике она потеряла равновесие и упала на землю. В этот момент ее губы коснулись чего-то мягкого.

Она наощупь пыталась понять, что перед ней, и даже слегка надкусила эту субстанцию, как

вдруг услышала, как Дицзюнь хмыкнул в темноте. Вздрыгнув, она сдернула шелковую повязку с глаз. Лицо Владыки появилось в нескольких дюймах от ее лица. На его нижней губе виднелся ряд следов от острых зубов. Лицо Фэн Цзю стало мертвенно-бледным, а затем пунцовым.

Поблизости возник третий принц Ляньсун. Он обмахивался веером и широко улыбался.

- А Ли поднял шум, требуя найти свою кузину. Я открыл твое силовое поле, не зная, что помешаю вам двоим. Виноват, исправлюсь.

Маленький колобок действительно парил в воздухе, глядя на них сверху вниз. Его глаза напоминали блюдца, а рот был открыт так широко, что в него можно было засунуть два яйца. В шоке, он спросил: «Сестрица Фэн Цзю только что поцеловала брата Дун Хуа? У меня будет племянник?» А потом в смятении воскликнул: «Что же мне делать, я еще не приготовился к появлению племянника». Он взобрался на радужное облако и в гневе улетел. Ляньсун оглянулся на двух людей, лежавших на земле, но так как он боялся, что маленький колобок вызовет проблемы, ему пришлось последовать за ним. Улетая, он чувствовал сожаление, что ему придется пропустить хорошее шоу.

Фэн Цзю плавно слезла с тела Дун Хуа и скользнула обратно на арену. Она успела сделать несколько шагов, когда позади раздался голос Владыки: «Сяо Бай, не должна ли ты хотя бы извиниться за то, что укусила меня?»

- Прости, что укусила тебя.

- Ты действительно сожалеешь?

Фэн Цзю споткнулась и раздраженно посмотрела на него.

- Что я получу, если солгу тебе?

- А что еще можно получить от лжи? - с неподдельным интересом спросил Дун Хуа. - Разве она придумана не для собственного удовольствия?

-... Ладно, ты победил.

После двух дней тяжелой практики Фэн Цзю научилась ходить с завязанными глазами по снежным столбам, как будто шла по земле. На третий день ей вспомнились слова из одной древней книги: «Иссуши сердце, потому что всё есть явления, и потому что всё есть пустота; все явления, следовательно, тоже пустота. Достижение этого состояния должно привести к триумфу». Судя по этой буддийской фразе, она верила, что «явлениями» были эти снежные столбы, и она действительно была бы храброй, если бы могла фехтовать в этом снежном лесу с открытыми глазами, не обращая внимания на эти ледяные пики. Ей нужно было тренироваться сегодня, как будто ничего не существовало. Она высказала эту мысль Дун Хуа. Он был очень впечатлен и согласился позволить ей снять шелковую повязку с глаз. Она сделала несколько поворотов, чувствуя, что все действительно идет очень гладко.

Белые цветы свисали с абрикосового дерева, напоминая дымчатые облака. Возможно, ему наскучили два дня одинокой игры в шахматы, поэтому найдя где-то кусочек хорошей глины, Владыка Дун Хуа принялся лепить ее, сидя снаружи заснеженной арены. Фэн Цзю и раньше видела, как он занимался керамикой, поэтому знала, что он всегда сосредоточен на своей работе. Но сегодня его лицо было другим. Тренируясь, она время от времени поглядывала в его сторону. Один раз, второй, третий. На четвертый раз она поскользнулась и свалилась с десятиметрового столба. Но, наконец, она смогла увидеть, что делает Дицзюнь. Кажется, он

делает куклу.

Она упала только один раз сегодня, гораздо лучший результат по сравнению с предыдущими двумя днями. За ужином Дицзюнь дал ей в награду еще несколько кусков тушеной рыбы. Размышляя о том, как бы небрежно спросить Дицзюня, что за куклу он делал в течение дня, она подавилась рыбьей костью, и Дицзюнь заставил ее выпить половину миски уксуса, чтобы смыть ее. Естественно, о своем вопросе она забыла.

Прежде чем лечь спать, Фэн Цзю все еще раздумывала, что именно делал Дун Хуа. Она знала, что у Дун Хуа было много фарфоровых изделий ручной работы, но никогда не видела фарфоровой куклы. Она и упала сегодня из-за того, что украдкой поглядывала на него. Когда Дун Хуа заметил ее интерес, он сначала долго смотрел на нее, а затем решительно повернулся к ней спиной. Фэн Цзю не могла понять, что он делает. Но чем больше ее держали в неведении, тем больше она хотела знать. Так, может, ей стоит пробраться в его спальню сегодня ночью и выяснить это? Хотя женщине не пристало забредать ночью в комнату к мужчине, она уже много раз бывала в его комнате. Она даже несколько раз спала на его кровати. Его комната с таким же успехом могла быть ее задним двором. Что плохого в том, чтобы посетить его еще раз?

Лунный свет просачивался сквозь оконные стекла. Фэн Цзю сонно размышляла над этим вопросом, хотя голова ее раскалывалась, а спина ныла. Она только собиралась закрыть глаза на мгновение, прежде чем прокрасться в комнату Дун Хуа, но так как она была утомлена дневной тренировкой, ее веки закрылись, как только она легла. Почти мгновенно она погрузилась в сон.

Но все равно этот вопрос не выходил у нее из головы, и она спала не очень крепко. После полуночи она смутно услышала приближающиеся шаги. Затем послышался звук открывающихся дверей, за которым последовали шаги, приближающиеся к ее кровати. Это были шаги, которые, независимо от ситуации, всегда были спокойными и уравновешенными; те же самые шаги, которые она слышала бесчисленное количество раз, когда жила во дворце Тайчэнь. Фэн Цзю попыталась открыть глаза, но сонливость давила на веки, как заклятие.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Фэн Цзю решила, что ей это снится. Скорее всего потому, что она хотела пробраться в комнату Дун Хуа, прежде чем заснуть. Она плотно укуталась в одеяло и продолжала спать. Но в своем затуманенном состоянии она могла слышать несколько тихих звуков. Прежде чем ее сон стал глубже, она вдохнула аромат усыпляющих благовоний. Ее разум, который и так был как в тумане, теперь полностью расслабился. Однако одна извилина все еще работала. Может быть, благовония зажег Дицзюнь? Она мысленно напомнила себе заглянуть в горелку на следующее утро, чтобы проверить, нет ли там пепла от усыпляющих благовоний. Тогда она узнает, бодрствовал ли Дицзюнь, чтобы позаботиться о ней.

Пока ее мысли блуждали в ночи, кровать внезапно просела. Будучи довольно старой, она неприятно скрипела. Фэн Цзю почувствовала, как холодная ладонь легла ей на лоб. Когда его пальцы переместились к двум шишкам, которые она приобрела во время утренней тренировки, она почувствовала легкий укол боли. Как мог ее сон быть таким реальным и детальным? Она стиснула зубы, глубоко вздохнула, что-то пробормотала и отвернулась. Рука тут же отдернулась. Чуть позже цветочный аромат догнал усыпляющий аромат ладана. Она чихнула, снова что-то пробормотала и повернулась. Эта рука теперь намазывала что-то похожее на пасту на опухоль на ее лбу. Прикосновения были нежными и мягкими. Это был настолько приятный сон, что просыпаться от него не хотелось.

Ах, это был запах пасты из гибискуса. Теперь она это знала!

Паста с гибискусом может облегчить боль и залечить ушибы и ссадины. Фэн Цзю прекрасно знала об этом. Когда она была маленькой лисичкой во дворце Тайчэнь, она часто бегала в маленький садик собирать цветы гибискуса. В те дни рядом с покрытой лозами Бодхи стеной как раз росло несколько цветов. Их хрупкие лепестки рассыпались по земле всякий раз, когда дул ветер. Она использовала свои когти, чтобы собрать опавшие лепестки в шелковый мешочек, подаренный ей Чжунлинем. Насобирав достаточно лепестков, она застегивала мешочек зубами и радостно бежала к маленькому ручью неподалеку, чтобы смочить лепестки в пасте, которую позже давала Дун Хуа, чтобы перевязать его раны. Тогда руки Дун Хуа часто бывали поранены по разным необъяснимым причинам. Когда она дала цветочную припарку Дун Хуа, он почесал ее за ушком. Она была не из тех, кто любит поэзию, но в тот день написала очень короткую строфу в память о своих чувствах: «Цветы распускаются и умирают, цветы в порошок превращаются. В счастье и гармонии, всегда вместе, я и ты».

Когда она показала это стихотворение Сымину, он от души рассмеялся и сказал ей, что его сейчас стошнит от этой слащавости. Она недолго думая, пропела лишнюю строчку: «Может, тебе и хочется блевать, а мне нет». Весело виляя хвостом, она уходила и думала про себя, что за всю свою жизнь написала только одно стихотворение, но человек, для которого она его написала, никогда его не прочтет. Во сне она вдруг почувствовала печаль.

Ее руку внезапно приподняли, и, отодвинув ткань халата, открыли плечо. Холод в ее сердце быстро распространился на кончики пальцев. Фэн Цзю вздрогнула. Этот сон начинал казаться слишком реалистичным. Ее затуманенный разум постепенно начал пробуждаться, но она все еще не могла прийти в себя. Несмотря на тяжелые веки, ей все уже удалось чуть-чуть приоткрыть глаза. Тень, которая становилась все отчетливее в лучах света, действительно оказалась Дицзюнем. Его голова была слегка наклонена, а рука все еще лежала на ее плече. Его длинные серебристые волосы каскадом падали на дамасское одеяло, словно лунный свет. Они были слегка спутаны, придавая его красивому лицу слабое выражение томности; его безмятежные глаза смотрели на нее в сияющем свете.

У Дицзюня обычно были спутанные волосы, даже когда он ложился спать в правильном положении. Для Фэн Цзю эта особенность его внешности была особенно привлекательной. Каким удивительно реалистичным становился этот сон. Тем не менее, даже внутри сна должна найтись причина происходящему.

Она хотела спросить Дун Хуа, почему он пришел так поздно? Потом она ответила себе, что это, вероятно, для того, чтобы помочь ей сосчитать синяки, полученные сегодня утром. Потом ей захотелось спросить его, почему он пришёл посреди ночи? Затем она снова ответила себе, что паста из гибискуса лучше всего действует, когда пациент находится в расслабленном состоянии. Следующий ее вопрос был: «Зачем ему понадобилось снимать с нее одежду, разве он не знает приличий?» Потом она вздохнула и ответила сама себе: «Он никогда не заботился о таких вещах». Он будет думать о ней только как о странной женщине, если она заговорит об этом. Кроме этого, ей больше нечего было спросить.

Она должна была бы кричать от страха, а потом забиться в угол, укрыться одеялом и выглядеть испуганной и разъяренной из-за того, что ею воспользовались, пока она не могла отвести глаз от Дун Хуа. Она думала обо всем вышесказанном, но в этом случае она выглядела бы еще более странной.

Нормальные реакции в общении с Дицзюнем не очень-то помогали. Она должна оставаться спокойной и невозмутимой.

Фэн Цзю лежала неподвижно, и рука Дицзюня оставалась на ее распухом плече.

«Я проснулась», - сказала она без всякого выражения.

При свете свечи Дун Хуа некоторое время смотрел на нее, потом убрал руку и, взяв пасту из фарфоровой чаши, стал наносить ее на плечо.

- Хорошо, тогда расстегни воротник. Я не могу дотянуться.

Как он мог просить ее расстегнуть одежду и при этом сохранять невозмутимое выражение лица? Сбитая с толку в течение долгого времени, Фэн Цзю, наконец, натянула одеяло до самого подбородка, повернулась к нему спиной и сказала: «Я ложусь спать».

Когда она повернулась, Дун Хуа остановил ее. Он взял ее за левое плечо, где не было синяков, и опустился на пол. «Ты боишься, что я что-нибудь сделаю?» - в его голосе слышались веселые нотки. Фэн Цзю обернулась и увидела, что лицо Дун Хуа было всего в нескольких дюймах от ее лица. Драгоценный камень цвета индиго на его лбу отражал свет свечи, в глазах плясала улыбка. Она ошеломленно уставилась на него.

Владыка небрежно оглядел ее с головы до ног.

- Что я могу сделать, если ты вся изранена?

- Если ты знаешь, что я тяжело ранена, то почему не помог мне днем? Зачем сейчас притворяться милым?

Когда она наклонила голову назад, ее подбородок коснулся раны на плече, и она застонала от боли. Именно тогда она поняла, что не заметила, что ее синяки были обработаны, все, кроме одного над ключицей. Только это место оставалось болезненным.

Дицзюнь слегка отодвинулся и сказал: «Конечно, ты должна сама встать после падения во время тренировки. Только тогда обучение будет работать. Для тебя же лучше, если я не всегда буду помогать тебе». Затем он поднял руку, чтобы расстегнуть пуговицы, и усадил ее с подушкой за спиной. В его плавных движениях не было и намека на колебание. Когда холодная паста была нанесена на синяки на ее ключице, Фэн Цзю снова напряглась.

По правде говоря, Дун Хуа был прав. Его рассуждения были вполне разумными. Хотя она признавала этот факт в своем уме, все равно упрямо фыркнула: «Ты говоришь так, будто я совершенно бесполезна. Разве я не жила хорошо без твоей помощи все это время после падения сюда?» Она добавила: «У меня не было ни одной царапины до того, как мы снова встретились. Но посмотри на все эти раны, которые ты мне сейчас причиняешь!»

Рука Дун Хуа, казалось, задержалась на ее плече дольше, чем это было необходимо. Он выгнул бровь, глядя на нее.

- Без защиты моей клетки Тяньцан ты разбилась бы в лепешку, когда упала у ворот королевского дворца Фаньинь. И не дожидалась бы меня здесь, чтобы я мог тебя помучить.

Фэн Цзю немедленно возразила: «Это Сяо Янь помог мне...» Она вдруг замолчала на полуслове. Она и Сяо Янь дважды падали с обрыва. За исключением второго раза, когда они приземлились на Мэн Шао, все действительно прошло очень гладко для них. Она не знала, спасла их ее удача или удача Сяо Яня. Выходит, на самом деле клетка Дун Хуа защитила их? Это открытие заставило Фэн Цзю замолчать. Она прикусила губу, не зная, что сказать. Значит,

Дицзюнь не бросал ее на произвол судьбы. Она слышала, как важна клетка Тяньцан среди божеств, и все же он оставил ее ей для защиты. Он был так добр и любезен, но почему не сказал об этом раньше?

Как бы то ни было, держать у себя такой важный предмет было не очень хорошей идеей. Она видела клетку Тяньцан только один раз во время его боя с Сяо Янем. Ее энергия сильно отличалась от других магических объектов. Интересно, где он спрятал эту штуку на ее теле? Озадаченная, Фэн Цзю подняла голову, чтобы спросить Дицзюня: «Где же она?» Она неловко кашлянула и отвернулась.

- Я благодарна клетке Тяньцан за то, что она защищала меня все это время, но оставлять такую драгоценную вещь у меня не очень хорошая идея. Я все равно должна вернуть ее тебе.

Дицзюнь держал свечу в руке и массировал синяк на ее плече.

- Зачем тебе ее возвращать? Это всего лишь продолжение моей волшебной энергии. Как только я умру, она исчезнет сама собой.

Он сказал это так естественно, что она еще больше смутилась.

- Ты тоже можешь умереть? Почему?

Хотя боги и бессмертные не были ограничены смертью, вечная жизнь была возможна только в том случае, если на мир не обрушится беда. Однако на Небесах и на Земле случалось множество несчастий. С начала времен множество бессмертных погибло в результате этих природных катастроф.

Фэн Цзю слышала, что к концу доисторической эры в великом гигакосме существовало множество царств смертных. Будучи самым слабым, человеческий клан был вытеснен в нижнюю сферу. Но поскольку в то время нижняя сфера была создана заново, фундаментальный порядок не был установлен. Засухи, наводнения и холода обрушились на мир. Людям было трудно жить. Многие божества, пришедшие до Дун Хуа, потратили значительное время на регулирование природных условий в соответствии с человеческими характеристиками. Истощая свою энергию в этом усилии, они в конечном счете скончались. Их души вернулись в пространственный хаос, и в мире не осталось их следов. Фэн Цзю смутно понимала, что эти предки должны были нести тяжелую ответственность из-за своих необычайных способностей. Они должны были пожертвовать своими жизнями ради выживания мира. Но Дун Хуа остался жив и по сей день. Она предполагала, что он отличается от остальных. Если и наступит день, когда он перестанет существовать, то это будет совсем-совсем нескоро. Теперь, когда он упомянул об этом, она почувствовала, что это скоро произойдет. Внезапно ее охватил озноб, а в горле пересохло.

- Если это так, - пробормотала она. - Когда же ты?..

Усыпляющий аромат ладана тяжело повис в воздухе. В оконную щель проскользнуло несколько светлячков. Дун Хуа, казалось, был удивлен ее вопросом. Он застегнул ей воротник и, немного подумав, ответил: «С начала времен не было такой серьезной природной катастрофы, которая привела бы к апокалипсису. Если когда-нибудь этот день настанет, я должен буду уйти».

Он некоторое время смотрел на нее, и в его глазах появилась улыбка.

- Но это произойдет не раньше, чем через много-много тысяч лет. Так что не лей слёзы раньше времени.

---

[1] час дракона – 7-9 часов утра

<http://tl.rulate.ru/book/32932/737145>